

Дуань Цзинсянь размышлял, не разжать ли ладонь и не обсудить ли всё с Чи Юцином спокойно. Сердце и без того вынесло за день слишком много непередаваемых потрясений, с которыми он до сих пор не успел совладать.

Ещё одной подобной вспышки он бы просто не выдержал.

Впрочем, додумать мысль до конца он не успел — Юцин опередил его.

В ладонь вдруг ткнулось нечто невероятно мягкое и тёплое.

Мысли оцепенели. Когда до него наконец дошёл смысл этого жеста, разум закружился в хаосе. Дуань Цзинсянь резко отдёргнул руку, абсолютно не понимая, как реагировать на подобную ласку.

Спустя полминуты он с ледяной миной поднялся, намереваясь немедленно уйти.

«Это... это же совершенно ни в какие рамки не лезет! И с чего вдруг поцелуй в ладонь? Зачем?!»

Смушение захлестнуло его с головой.

Прежде ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного. Слишком непривычно, слишком вновь.

Дуань Цзинсянь порывался сделать шаг к двери, но Чи Юцин действовал быстрее. Вскочив, он мёртвой хваткой вцепился в запястье старшего, не давая сделать и пары шагов.

— Младший дядя, ты ведь запомнил всё, что я сказал? — с тихой ухмылкой поинтересовался он, временно вычеркнув эпизод с поцелуем из разговора.

Дуань Цзинсянь не желал помнить ни единого слова! К чему хранить в голове эту несусветную, смущающую до крайности ахиною?

Внешне он кое-как сохранял невозмутимость, но душевное смятение никуда не делось. Подавляя нахлынувшие чувства, он выцедил сухим, деревянным голосом:

— Нет.

В глазах Юцина вспыхнули лукавые искры:

— Не страшно, если с первого раза не отложилось. Я же от чистого сердца говорил, без всяких

заготовок. Могу повторить слово в слово ещё пару раз — повторение, как говорится, мать учения. Послушаешь почаще и запомнишь.

Дуань Цзинсянь глубоко перевёл дыхание. У него не было ни малейших сомнений: ответь он «запомнил», и этот малый тут же заставил бы его цитировать сказанное, устроил бы настоящую проверку.

Паршивец, научился-таки хитрить. И изворотливости в нём стало в разы больше, чем раньше.

И всё же это цепляло душу, затапливало грудь нежным теплом. Дуань Цзинсянь прекрасно понимал, что поступки и дерзости Юцина не вызывают у него отторжения. Всё дело было в смущении... и абсолютной растерянности.

Ему просто не с чем было сравнивать. Прежде он ни с кем не переступал эту черту.

Прежний юноша был светлым, милым и по-детски озорным. Тот мальчик мог пошутить или пошалить, но никогда не вёл себя настолько... невыносимо и дерзко, вынуждая старшего терять контроль.

Лишь через некоторое время он кое-как справился с собой и, отведя взгляд, проронил:

— Поговорим об этом позже. В компании ещё остались неотложные дела.

Чи Юцин понимающе кивнул и, решив не перегибать палку, разжал пальцы:

— Тогда я загляну к тебе позже. Как освободимся — поедem домой вместе.

— ... Хорошо. Вместе.

Дойдя до порога, Дуань Цзинсянь замер на мгновение и всё же, оборачиваясь, тихо напутствовал:

— Что бы ты ни задумал, береги себя. Не подставляйся под удар.

Чи Юцин прекрасно осознавал, о чём тревожится Младший дядя, и кивнул:

— Я знаю, что делаю.

Дуань Цзинсянь пристально вглядывался в лицо юноши с полминуты, убеждаясь, что тот не пытается его усыпить пустыми обещаниями, и лишь затем неохотно кивнул в ответ.

Проводив старшего до первого этажа, Чи Юцин неспешно вернулся в свой кабинет. Подойдя к панорамному окну, он уставился на нескончаемый поток машин внизу, погружившись в раздумья.

Он с благодарностью принимал заботу Цзинсяня, понимая, что тот беспокоится о возможных неприятностях. Но отступать не намеревался. Как он и заявил Дуань Минъюю: если враги жаждут мщения, пусть идут прямо на него. Он не из пугливых.

Чи Юцин отдавал себе отчёт в том, насколько глубокая пропасть разделяет их сейчас. Однако так будет не всегда. Он намеревался уверенно и шаг за шагом сократить это расстояние, чтобы встать подле Цзинсяня на равных. Долгосрочный успех требовал хладнокровия и продуманных действий — спешка лишь порождает уязвимости.

Ему не хотелось оставаться вечным объектом опеки.

Его цель — стоять плечом к плечу с тем, кого он любит.

Ни разница в возрасте, ни статус не играли роли. Сейчас Дуань Цзинсянь видит в нём лишь племянника — балует, сносит любые выходки и не воспринимает как взрослого мужчину. Значит, предстоит доказать, что он способен самостоятельно вести дела и принимать решения.

Хватит считать его ребёнком.

Именно этот рубеж разделял родственную привязанность и настоящую любовь.

Впрочем, планы планами, а торопить события не стоило. В чувствах суета губительна — всё должно идти своим чередом, складываясь естественно и непринуждённо.

В полдень, закончив с текущими задачами, он по обыкновению отправился обедать вместе с Дуань Цзинсянем.

Благодаря строгой дисциплине Младшего дяди Чи Юцин постепенно и сам избавился от многолетней привычки бодрствовать по ночам. Разве что утреннее раздражение с непривычки всё ещё давало о себе знать, но и это не представляло проблемы: подле Цзинсяня дурное настроение улетучивалось за считанные секунды.

Этот человек обладал поистине удивительной способностью успокаивать одним своим присутствием.

Чи Юцин, не привыкший спать днём, как раз раздумывал о том, чтобы выпить чашку чая перед возвращением к работе, когда тишину разбил звонок.

Звонил Лу Вэй.

Не мешкая, Юцин ответил. Лу Вэй прекрасно знал, что шеф ушёл к Цзинсяню, и не стал бы беспокоить по пустякам.

По мере того как собеседник коротко и чётко излагал суть произошедшего, лицо Чи Юцина всё больше темнело.

Вэй Чуянь явился устраивать разборки — разумеется, из-за Фан Юаня.

В последнее время Фан Цюаньцюань безвылазно сидел в Студии «Ясный день», ведя себя тише воды ниже травы. Неудивительно, что сбитый с толку Вэй Чуянь решился на штурм. Юцин заранее предупредил управляющую компанию, что проход на их этаж возможен только по электронным пропускам, так что этот подонок, скорее всего, увязался за кем-то из клиентов.

Хотя, если поразмыслить, тот «клиент» наверняка был подставным лицом.

Сбросив вызов, Чи Юцин не стал тратить время на пустые догадки. Вкратце обрисовав ситуацию Цзинсяню, он поднялся из-за стола.

Дуань Цзинсянь и сам успел понять суть по обрывкам фраз. Видя, что юноша собирается влезть в самую гущу конфликта, он просто не мог остаться в стороне.

Поднявшись вслед за ним, он ровно произнёс:

— Я иду с тобой.

Юцин на мгновение замер. Первым порывом было отказаться — не хотелось втягивать Младшего дядю в эту грязь. Но, судя по тому, как старший решительно направился к выходу, спорить было бесполезно.

Не сказав больше ни слова, Чи Юцин нагнал его.

Он понимал: Цзинсянь переживает, как бы тот в горячке не натворил глупостей, да и за Фан Юаня, вероятно, тоже волнуется. Спустя минуту Юцин решил, что присутствие Дуань Цзинсяня действительно к лучшему — это всяко лучше, чем мучиться в неизвестности, находясь через улицу от эпицентра событий.

Едва двери лифта распахнулись на этаже студии, перед ними предстала картина хаоса: в коридоре уже кипела потасовка.

Вэй Чуянь мёртвой хваткой вцепился в Фан Юаня и занёс кулак для удара. Добежать Юцин физически не успевал. Не раздумывая ни секунды, он окинул быстрым взглядом убранство и, схватив со стойки тяжёлую стеклянную статуэтку, швырнул её прямо в нападавшего.

Летающий снаряд оказался куда быстрее человеческих ног.

Глухой удар заставил коридор мгновенно затихнуть. Вслед за этим раздался звонкий треск разбивающегося о плитку стекла и отборный мат Вэй Чуяня.

Всё решилось в считанные мгновения. Дуань Цзинсянь прекрасно понимал мотивы Чи Юцина, однако, заметив, как с его пальцев капает алая кровь — резные края статуэтки оказались слишком острыми, — слегка нахмурился.

Не обращая ни малейшего внимания на раненую руку, Чи Юцин под прицелом десятков глаз шагнул вперёд.

Скорчившийся от боли Вэй Чуянь выпустил одежду Фан Юаня и отступил на шаг. Подоспевший Юцин тут же заслонил собой всклокоченного ученика.

Смерив подонка ледяным взглядом, он процедил:

— Мне нет дела до того, как ты паясничаешь перед другими. Но сунуться на мою территорию, чтобы распускать руки в отношении моего друга и сотрудника... Господин Вэй, ты переступил всякую грань.

Правое предплечье Вэй Чуяня онемело от дикой боли. Слыша обвинения и ощущая давящую, непреклонную ауру, исходившую от юноши, он окончательно убедился: перед ним другой человек.

Прошлое не вернуть.

Но да какая разница? Внезапные перемены в характере не превращают жалкую мелкую студию во что-то значительное. Мечтать не вредно!

Взглянув на повисшую плетью руку, а затем на Фан Юаня, спрятавшегося за спиной заступника, Вэй Чуянь вспыхнул от ярости:

— Это умышленное причинение вреда здоровью!

— Это называется необходимая оборона, понятливость ты наша, — мгновенно парировал Юцин.
— Камеры всё записали. Ты напал первым, я лишь защищал подчинённого. Запрещено законом?

Вэй Чуянь поперхнулся словами. Естественно, обращаться в полицию он не собирался — слишком велик риск опозориться на публике.

Поняв, что спорить с Юцином бесполезно, он перенаправил ушат грязи на Фан Юаня:

— Ты ведь утверждал, что тебе не нравится Чи Юцин! А сам что творишь? Бегаешь за мной, а параллельно вешаешься на других? Какая же ты дешёвка!

Фан Юань сжал кулаки до побеления костяшек и мгновенно отрезал:

— Да не люблю я тебя! Это всё твои дурацкие фантазии и самоуверенность! Твои манипуляции больше не работают, усвой уже! И ни на кого я не вешаюсь, мы с шефом — друзья. Это у тебя мозги набекрень! Сколько раз повторять, что ты мне мерзок? Ты мало того что преследуешь меня, так ещё и с кулаками лезешь. Ничтожество!

Каждое слово ядом жгло раздутое эго Вэй Чуяня, заставляя корчиться от бессильной злобы и недоумения.

Куда делся прежний Фан Юань — кроткий, послушный, пусть иногда и капризный, но всегда заглядывающий ему в рот? Откуда взялась эта ядовитая дерзость?

«Его отравил Чи Юцин. Натравил, научил огрызаться!» — это объяснение казалось ему единственно верным.

Взгляд Вэй Чуяня, устремлённый на Юцина, наполнился отвращением и затаённым опасением:

— Я не откажусь от Фан Юаня. Никто не любит его так, как я! Жди, Чи Юцин, я всё равно верну его.

— Ого!

Чи Юцин усмехнулся, хотя взгляд его оставался студёным:

— Типичная речь неудачника? На здоровье, жду с нетерпением.

В тот день, когда они сошлись с Фан Юанем, Юцин сразу осознал: от встреч с этим конченным персонажем не уйти. А раз так — избегать его нет смысла. Он не искал драки, но и спуску никому давать не собирался. Нападут — получит сдачу.

Потерпев крах и осознав, что увести Фан Юаня сегодня не удастся, Вэй Чуянь не желал дольше оставаться мишенью для чужих зевак. В последний раз одарив Фан Юаня тяжёлым взглядом,

он развернулся — и обомлел: ненормально близко стоял Дуань Цзинсянь.

Сердце Вэй Чуяня ушло в пятки.

Ходили слухи, что в последнее время Чи Юцин сошёлся с главой семьи Дуань.

Не имея никаких общих дел с этим человеком, Вэй Чуянь вознамерился боком пройти мимо, но когда они почти сравнялись, Дуань Цзинсянь подал голос.

Вэй Чуянь опешил и автоматически перевёл взгляд:

— Господин Дуань, вы что-то сказали?

Дуань Цзинсянь даже не удостоил его прямым взглядом, продолжая смотреть на Чи Юцина. Из его тона выветрилось всякое тепло — остался лишь откровенный ледяной угрожающий подтекст:

— Меня не волнуют методы работы господина Вэя. Однако Юцин — младший, находящийся под моим покровительством. Любые выпады в его адрес Корпорация Дуань расценит как вызов себе.

Затем он всё же повернул голову к собеседнику:

— Внятно излагаю? Или требуется разжевать каждое слово?

— Всё предельно ясно! Не нужно! — выдохнул Вэй Чуянь.

Ощущения Вэй Чуяня были за гранью описания. Пока руку разрывала боль, спина покрылась липким холодным потом — то ли от травмы, то ли от дикого страха.

Пусть Дуань Цзинсянь и смотрел сквозь него, тяжёлая аура истинного властителя давила немилосердно. Человек, столько лет удержавший штурвал огромной Корпорации Дуань, обладал изощрённым умом и железной хваткой. Переходить ему дорогу равнялось самоубийству.

Пробормотав сбивчивые извинения, Вэй Чуянь позорно ретировался. Нынче был явно не его день.

Едва за скандалистом закрылась дверь, Чи Юцин распустил сотрудников, объявив незапланированный полувыходной.

Затем он велел Лу Вэю связываться с охраной здания: отныне, с кем бы ни пытался прошмыгнуть Вэй Чуянь, реакция должна быть мгновенной.

Когда распоряжения были отданы, в кабинете остались только они втроём: Чи Юцин, Дуань Цзинсянь и сгорающий от стыда Фан Юань. Юцин с сочувственной ухмылкой оглядел ученика:

— Да уж... у тебя тут настоящий ад.

Фан Юань никогда не отличался пробивным характером. В сети он порхал жизнерадостным мотыльком, но в реале дичился незнакомцев. Первые полгода после перемещения в этот мир он жил под двойным прессом токсичного ухажёра и заскоков оригинального владельца тела — несложно представить, через какой кошмар ему пришлось пройти.

Фан Юань отрицательно качнул головой. Раньше действительно было несладко, но теперь всё изменилось. И дальше будет только лучше. Главное — смотреть вперёд.

Указав на окровавленную ладонь Юцина, он сглотнул:

— У тебя рука...

Заметив приближающегося Дуань Цзинсяня, Фан Юань мгновенно смекнул, что к чему, сбегал за аптечкой и тут же испарился на верхний этаж, не желая работать третьим лишним. К тому же... не показалось ли ему, или в ледяном взгляде господина Дуаня проскользнула... затаённая ревность?

От этой мысли мурашки побежали по коже.

«Святые угодники! Он что, напридумывал себе бог весть чего?!»

Нет, так дело не пойдёт. Он не должен подставлять босса! Нужно срочно прояснить ситуацию — прямо завтра! Правда, от одной мысли о разговоре с господином Дуань наедине поджимались жилки.

Чи Юцин окинул повреждённую ладонь беглым взглядом. Подумаешь, ерунда. Наблюдая, как Цзинсянь достаёт медикаменты, он легкомысленно усмехнулся:

— Порез-то совсем пустяковый. Крови с гулькин нос, заживёт за пару дней, даже шрама...

Слово застряло у него в горле под суровым, наливающимся стужей взглядом Младшего дяди. Юцин благоразумно умолк.

Они устроились на диване. Покорно вытянув руку, Чи Юцин позволил обработать узкую рану. Дуань Цзинсянь склонил голову; его лицо оставалось предельно сосредоточенным — казалось, он изучает стратегический отчёт государственной важности.

Юцин даже не глядел на порез. Вся его вселенная свелась к профилю Цзинсяня.

Этот человек был безупречно красив. Но главное — от каждого его движения веяло трепетной искренней заботой.

Чи Юцин тихо перевёл дух. Осадок, оставшийся от визита подлеца, окончательно растворился.

Когда обработка закончилась и Цзинсянь поднял глаза, Юцин встретил его взгляд тёплой улыбкой:

— Младший дядя, я говорил тебе, какие у тебя красивые ресницы?..

— Замолчи, — оборвал тот.

Наученный горьким опытом, Дуань Цзинсянь на этот раз отвёл взгляд и принялся убирать медикаменты:

— Опять несёшь вздор. Я прощаю тебе многое, но это не значит, что можно болтать всё, что взбредёт в голову.

Чи Юцин, не отрывая взора, прищурился от удовольствия.

Густые, изогнутые, точно край осеннего листа гинкго или росчерк юного месяца... В этой изящной линии таилось столько естественного очарования!

Когда защёлкнулся замок аптечки и Цзинсянь вновь посмотрел на него, Юцин беззаботно промурлыкал:

— Я вовсе не болтаю вздор. Сколько ни разглядывай — ты прекрасен. В своём вкусе я уверен на все сто.

Дуань Цзинсянь поджал губы. Он не мог взять в толк, как у юноши получается раз за разом выговаривать эти смущающие глупости с абсолютно невинным видом.

И как на это реагировать?

Решив проигнорировать флирт, Дуань Цзинсянь перешёл к делу:

— Фан Юань клялся, что держится от Вэй Чуяня подальше, но у того свои планы. Подобные типы не опасны, но способны отравить жизнь. Юцин, покрывая его, ты сознательно навлекаешь на себя головную боль.

Улыбка сползла с лица Юцина. Он ответил со всей серьёзностью:

— Я готов к трудностям. И в беде его не брошу.

Пусть их знакомству исполнилось не так много лет, в прошлом мире именно Фан Юань подарил ему редкие мгновения тепла. В этой реальности они были друг для друга последней связью с прошлым.

Бежать при первых признаках бури было не в его правилах.

Говорил он спокойно, но подтекст угадывался безошибочно.

В груди Дуань Цзинсяня колыхнулась неясная досада. Поднявшись с места, он спросил:

— Значит, Фан Юань настолько тебе дорог, что ты готов рисковать собой?

Юноша, который всегда презирал лишние хлопоты и относился ко всему со сдержанным равнодушием, внезапно изменил своим принципам ради другого.

Как можно оставаться хладнокровным?

Его мальчик повзрослел. Он больше не принадлежит ему одному... и ценит кого-то ещё так высоко!

Чи Юцин вскинул голову, изумлённо хлопнув ресницами.

«Он что... ревнует? Злится?»

Дуань Цзинсянь поздно сообразил, как прозвучала его реплика. Юцин наверняка решил, будто старший упрекает его или пытается диктовать условия.

Следовало объясниться, но слова застревали в горле. Взяв аптечку, он намеревался уйти, чтобы остыть и всё обдумать, однако в момент разворота крепкие пальцы снова обхватили его запястье.

Дуань Цзинсянь замер, так и не решившись обернуться.

Он панически боялся увидеть в глазах юноши разочарование или раздражение.

<http://bllate.org/book/20021/1991467>